

С Големом жить — ...

Как-то на днях, зайдя попить кофе в одну мелкую забегаловку, я наблюдал, как продавщица, неожиданно бросив кофеварку, побежала открывать окно для приёма товара. Не прошло и трёх минут, как в углу образовалось с десяток упаковок „Синебрюхова“. И вот, когда всё уже было выгружено, произошла заминка — продавщица занялась оформлением документов.

Сначала накладная в четырёх экземплярах (два себе, два водителю), на каждой подпись и печать забегаловки. Потом путевой лист водителю, потом ещё пара каких-то бумажек. Процедура заняла почти десять минут.

Стоя всё это время у прилавка и наблюдая за сложным бюрократическим ритуалом, я вдруг понял, что воочию наблюдаю элементарный акт функционирования того самого Голема, о котором ещё в 1987 году писали Лазарчук и Лелик. Но тысячи таких продавщиц, регулярно повторяя подобный ритуал, даже не догадываются, что являются элементами этого странного социально-информационного образования (системы? машины? существа? интеллекта?), чьи задачи и цели недоступны их пониманию так же, как триггеру в процессоре неведомо, зачем в некоторый момент он переходит из состояния „0“ в состояние „1“.

Привыкнув к разговорам об искусственном интеллекте и внеземных цивилизациях, мы уже морально подготовились к появлению иного разума из космоса или из машины. И даже с любопытством ждём, когда же этот запропавшийся где-то чужой разум вознамерится вступить с нами в контакт. Но вот готовы ли мы признать, что уже давно сосуществуем с этим чужим разумом (а может быть, и не одним) и что крупнейшие социальные процессы на планете суть его естественные проявления?

За деревьями трудно увидеть лес. Ещё труднее увидеть Голема за лицами тех людей, из которых он состоит. Особенно если среди этих лиц — твоё собственное...

Очень хочется в этом контексте поговорить об отключении белорусских интернет-сайтов в день президентских выборов, о катастрофических американских терактах, о феномене псевдонауки и о всевозможных теориях мирового заговора с логично вытекающими из них революционно-анархическими порывами. Всё это явления, находящие естественное истолкование в терминологии жизни и деятельности големов. Но пора остановиться и предоставить слово авторам.

Александр Сергеев,
algen@piter.com

P.S. Готовя к публикации этот материал, мы в редакции всерьёз беспокоились, будет ли он правильно воспринят нашими читателями. Ведь почти половина нашей аудитории не имеет опыта жизни в советской системе, да и первые годы перестройки, когда статья была написана, многие, вероятно, помнят довольно смутно. Мы даже всерьёз думали, не опубликовать ли на страницах журнала сокращённый вариант статьи, поскольку опасались, что первые две её части, смелые и актуальные в период написания, могут сейчас показаться устаревшими и неоригинальными. Но в конце концов было решено не нарушать целостности авторского произведения, а просто посоветовать особенно нетерпеливым интернетчикам, страдающим синдромом скорочтения и привыкшим к засилью гипертекста, попробовать начать сразу с третьей части. Ну а тех, кто склонен к неторопливому, последовательному восприятию, мы считаем нужным предупредить, что данный текст надо читать до конца. Даже если вначале вам покажется, что ничего особенно нового в нём нет.

Предисловие, написанное в 2001 году

Эта статья была написана за один майский вечер 1987 года на раздолбанной в хлам пишмашинке „Москва“. Дело происходило тоже в Москве, в одном из зданий на бульваре Добролюбова, и если кто знает, в чём дело, тому можно не объяснять, а кто не знает, тому объяснить невозможно. Мы по очереди колотили по клавишам и были уверены, что изменяем судьбу страны. Потом последовали ещё четыре статьи, этикие исправления и дополнения к первой.

Они пропали в мусорных корзинах редакций, и я был уверен, что эта тоже пропала, но вот каким-то чудом зацепилась за краешек Сети...

Термин „Голем Лазарчука–Лелика“ за последние годы попадался мне не раз — в каких-то статьях, материалах научных конференций и т.д.; это лестно, конечно, но интерпретация меня не устраивала; впрочем, перечитав статью, до которой вы сейчас доберётесь, я понял, что иного трудно было ожидать. Это не совсем наш текст, это, скорее всего, материал, прошедший сквозь редакцию журнала „Молодой коммунист“. Я ни разу не обнаружил слова „имманентно“, которое Петру очень нравилось и которое он вставлял везде, где только можно; и, наоборот, нашёл несколько оборотов, которые нам уж точно не принадлежали. Кое-что я вычистил — самую малость. Там все вперемешку: наши иллюзии, „паровозики“, какие-то быстрорастворимые факты (что за фирма „Факел“, чья судьба нас так беспокоила?)... Кроме того, статья писалась для публикации в подцензурной прессе, и кое-какие вещи нельзя было называть своими именами. Но, как мне показалось, если процедить всё это, кое-что на зубах останется.

Для чего был написан постскрипtum, не помню. Наверное, ещё одна попытка напечатать...

Андрей Лазарчук.

Андрей Лазарчук, Пётр Лелик

ГОЛЕМ ХОЧЕТ ЖИТЬ

эссе

В действительности всё обстоит совсем не так, как на самом деле.
Станислав Ежи Лец

Бюрократия неизбежна

В условиях управляемого общества на центральные органы власти поступает объём информации, заведомо превосходящий тот, который человеческий мозг в состоянии переработать. Следовательно, необходим аппарат, осуществляющий аналитические, селективные и накопительные функции, а также аппарат, способный доводить принятые решения до общества и контролировать их исполнение, а при необходимости — и настаивать на их исполнении, то есть то, что мы, в зависимости от настроения, именуем управленческим аппаратом или бюрократией. Очевидно, что существуют два принципиально различных пути формирования управленческого аппарата: путь естественный, когда аппарат формируется постепенно, по мере развития общества, соответствуя развитию социальных и производственных отношений; и путь искусственного формирования аппарата для решения неких конкретных задач. Во всём мире общество имеет дело с бюрократией, возникшей естественным путем. Разумеется, никакая бюрократия не сахар, и по её адресу сказано немало тёплых слов. Но лишь в нашей стране обществу противостоит аппарат, созданный искусственно, аппарат-гомункулус.

Назовем его Големом.

1. Рождение голема

Точную дату его появления на свет установить невозможно. Процесс рождения Голема был продолжительным и постепенным и примерно совпадал по срокам и темпам с процессом реставрации автократии. Очевидно, что ни в недрах царской бюрократии, могучей и разветвлённой, но существенно ограниченной внешними факторами в сферах хозяйственной, идеологической, информационной, ни в недрах молодой советской бюрократии начала двадцатых годов, когда ещё только шло полустихийное, полуэмпирическое формирование структуры аппарата, когда многие звенья его дублировались, а функции пересекались, Голем зародиться не мог. Ему нужна была предельная централизация, стабильность структуры и полное отсутствие всяческих ограничителей. Такую „питательную среду“ он получил в начале тридцатых годов.

В понятиях сегодняшнего дня схема управления обществом, внедряемая тогда, выглядела так: Пользователь, он же Генератор Идей — высшее партийное и хозяйственное руководство (желательно в одном лице); управленческий аппарат; информационное поле, оно же — среда реализации идей. В идеале такая схема обеспечивала Пользователю: сбор информации с любого участка информационного поля и максимально

эффективное доведение любых принятых решений до среды реализации; контроль за их исполнением; доведение до Пользователя информации о результатах; вновь подача команд на среду реализации — и так цикл за циклом. Это обеспечивало обществу всестороннее процветание.

Поскольку саморегуляция в общественных отношениях была практически ликвидирована, аппарату придавались функции регулятора: он должен был статистически обрабатывать все общественные явления, устанавливать корреляции между ними и пытаться их оптимизировать — то есть выполнять интеллектуальную работу. Совершенно очевидно, что реальное исполнение этой работы было ему не по силам.

Негибкость этой переупрощенной структуры управления обществом очевидна, и есть все основания полагать, что кризисные явления были и остаются её неотъемлемым качеством. Поэтому особый интерес представляют сейчас факторы, благодаря которым эта „машина кризисов“ сформировалась и продолжает функционировать уже более пятидесяти лет.

Фундамент этого, на наш взгляд, в том, что Пользователь присвоил себе монопольное право на владение абсолютной истиной, то есть превратил доставшийся ему в наследство „пакет идей“ в нечто метафизическое, неизменное. Первоначальное совпадение некоторых параметров этого пакета с реальными процессами привело как к определённой эйфории, так и к требованию признания всех без исключения идей, входящих в пакет, заведомо истинными, а фактов реальной жизни, противоречащих этим идеям, несуществующими. Сомнения — не в идеях даже, а в правомочности такой метафизации — объявлялись вражескими нападениями. Другим, не менее важным, фактором, обеспечившим формирование и стабильность структуры, было состояние общества, в массе своей неспособного к восприятию информации сколько-нибудь высокого уровня сложности. Поэтому информация, подаваемая на среду реализации, адаптировалась, упрощалась — часто до полного искажения. Если же подаваемая информация противоречила реальности и отторгалась средой реализации, то вступали в действие механизмы насильственного её внедрения. Деформировалась подаваемая информация, деформировалась среда реализации, но принцип управления оставался соблюден.

Восстановление в тридцатых годах централизованной многоступенчатой иерархической системы управленческого аппарата породило серьёзное противоречие между необходимостью копировать схему старого аппарата, с одной стороны, и сравнительно низким качеством „информационных ячеек“ (недостаточным образовательным и культурным уровнем „нового чиновничества“) — с другой. Это привело к формированию системы „управленческого конвейера“ — строжайшей специализации отдельных исполнителей на отдельных, крайне ограниченных операциях без какого-либо понимания этого процесса. Естественно, что при этом степень централизации ещё более возросла, а гибкость аппарата ещё более снизилась, и на изменение внешних условий у него осталась одна реакция: экстенсивный рост. Понятно, что при этом пути прохождения информации удлиняются, а аберрированность её нарастает.

Установление монопольного права аппарата на владение информацией привело к тому, что сколько-нибудь полноценный контроль за деятельностью самого аппарата вскоре стал невозможен не только со стороны общества, но и со стороны Пользователя.

Таким образом, аппарат, создаваемый Пользователем для обслуживания своей автократии, приобрёл все возможности для неограниченного саморазвития.

Были ли у него стимулы для такого саморазвития? Были.

При постоянном возрастании потока информации — примерно удвоение за десять лет — и при всё более увеличивающемся расхождении между реальностью и метафизическим пакетом идей, который общество под руководством Пользователя призвано было осуществить, внутри самого аппарата лавинообразно нарастало количество информации, которая противоречила установкам, заданным Пользователем, а потому подлежала преобразованию. Очевидно, что одно это было мощнейшим стимулом для саморазвития системы. Очевидно также, что с течением времени относительный объём аберрированной информации стал значительным, а затем и подавляющим.

Итак, мы видим, что с ростом потока информации и увеличением числа операций, производимых над нею, растёт необходимость в новых и новых информационных ячейках; при этом время, потребное для производства одной элементарной операции, растёт прямо пропорционально количеству связей между ячейками. Аппарат заметно теряет оперативность, способность к анализу снижается, складывается впечатление, что он работает вхолостую.

Совершенно ложное впечатление.

Дело в том, что ни один чиновник любого ранга — от постового милиционера до министра, от нормировщика на фабрике игрушек до члена Политбюро — и не подозревает даже, что, приступая к своим обязанностям, включается в исполнение мыслительного процесса гигантского нечеловеческого интеллекта, имя которому — Голем. Интеллекта, зародившегося в кабинетах и коридорах контор, комитетов и министерств, интеллекта мрачного, аморального, всепроникающего и почти всемогущего — и настолько чуждого человеку, что даже самые отчётливые его проявления мы обычно склонны трактовать как глупость или злую волю руководства, искать для них некие трансцендентные или приземлённые объяснения. Признать же их именно как проявления деятельности иного разума, преследующего свои сугубо эгоистические цели, трудно чисто психологически: приходится отрешаться от представления о любом разуме как о кальке с разума человеческого. И тем не менее придётся попробовать — уж слишком тяжёлым было для нашего народа полувековое господство Голема.

2. Его детские шалости

Функции Голема, определившиеся сразу после его появления на свет, делятся на две неравноценные группы: на функции внешние, или номинативные, и функции внутренние, биологические. К первым относится всё то, ради чего Голем и был, собственно, рождён и выпестован: управление государством, учёт и планирование, финансовые операции, внешние сношения, правопорядок, борьба с внешними и внутренними врагами, выплавка чугуна и стали, производство ползунков и сосок, торговля, снабжение, выращивание хлопка и капусты, кораблевождение и вообще все остальное. Ко вторым: питание (себя), защита (себя), воспроизводство (себя). Несомненно, что значительная часть интеллекта Голема задействована на отправлении биологических функций — особенно в период роста. А растёт Голем не тогда, когда это положено по возрасту, а тогда, когда не мешают.

Особо питательную среду для роста нашего Голема дали идеи великого экспериментатора и реконструктора, Отца народов.

Замечено, что вектор развития социума всегда направлен в сторону максимально возможного упрощения структуры при усложнении функций. Бюрократический аппарат, как мы видим, стремится к прямо противоположному. Поэтому насыщение информационного поля, появление в обществе новых сущностей угрожает стабильности, а в перспективе — самому существованию аппарата в том виде, в каком он был создан.

Именно в этой ситуации, ситуации „ножниц“, аппарату были переданы (или захвачены им — что одинаково верно) функции, контроль над которыми всегда был прерогативой самого Пользователя, а именно — карательные. Пользователь видел в аппарате идеального исполнителя, а Голем в это время, играя на маленьких слабостях Пользователя — властолюбии, патологической трусости, неодолимом упрямстве, — получал неограниченные возможности для саморазвития. Имея уже монополию на информацию, следовательно, и возможность бесконтрольно манипулировать ею, Голем начал игру с Пользователем, поставляя ему тенденциозно подобранную и обработанную информацию с целью вызвать у Пользователя появление новых идей, идущих на благо Голему. Так, например, кадровый террор 1937-1938 годов, не имеющий — с человеческой точки зрения — никаких объяснений, был Голему жизненно необходим, так как таким образом информационные ячейки Голема освобождались от образованных, мыслящих, наконец, просто опытных людей, от людей, способных вести себя, вызывая тем самым сбои в мыслительном процессе Голема; освободившиеся ячейки заполнялись простыми исполнителями, к тому же запуганными до полной потери личности. Так Голем, сыграв на страхе и маниакальной подозрительности Пользователя, поднялся на следующую, очень важную ступень своего развития.

Что касается исполнения Големом своих номинативных функций, то очень показательным было его участие в осуществлении „большого скачка“ 1930–1933 годов. Трудно сказать, насколько именно Голем повлиял на принятие самого решения о форсировании первой пятилетки — слишком уж противоречивая и лакунированная информация о том периоде, — но дальнейшие его действия прослеживаются вполне отчётливо. Голем был тогда ещё очень молод и неопытен, это было первое крупное дело, порученное ему, и старался он изо всех сил, пользуясь, разумеется, единственным доступным ему методом — методом проб и ошибок.

Итак, Голем получил задачу: создать новую индустриальную инфраструктуру без привлечения иностранных капиталов, с минимальными финансовыми затратами, в кратчайшие, почти нереальные сроки. Неизвестно, подразумевал ли Пользователь, ставя задачу, какие-либо ограничения морального плана; мы подозреваем, что нет. Однако, если даже и подразумевал, то введены они не были — Пользователь не умел обращаться с кибернетическим устройством. Мы знаем, что Голем решил эту задачу — пусть, главным образом, по формальным показателям (склонности Голема к формализации мы ещё коснемся). Мы знаем, как именно это

было сделано: создание сверхдешёвой трудовой армии по образцу систем государственного рабства сатрапий Древнего Востока, резкое снижение жизненного уровня, полное и окончательное установление в экономике внеэкономических методов регулирования. Мы знаем, чего это стоило обществу: уничтожение крестьянства как свободного класса и возврат к феодально-крепостническим отношениям в деревне, голод 1933 года, унёсший миллионы жизней, резчайшее понижение „порога криминальности“ („Если стране нужны преступники — она их получит!“) и чудовищное падение в цене человеческой жизни... Мы знаем, наконец, какие приобретения для себя сделал Голем, решая эту задачу.

Главным из приобретений — повторимся — было приобретение монополии на всю информацию. Получив возможность свободно и бесконтрольно манипулировать информацией и вступив в игру с Пользователем, Голем, с другой стороны, приложил большие усилия, чтобы обезопасить себя от постороннего вмешательства в эту игру. Присущее интеллекту Голема стремление упростить все общественные процессы до элементарных операций (влияние принципа „управленческого конвейера“) — то есть буквально разложить интеграл на натуральные числа — и физическая возможность сделать это постепенно привели к угнетению и искоренению всего, что могло сию минуту или в перспективе усложнить поступающую к Голему информацию — то есть к деинтеллектуализации общества.

Обратная сторона этого процесса — усиливающийся нажим на Пользователя, который, чувствуя постоянную незавершённость решённых задач, но не понимая действительной причины этого, всё более переключается на чисто тактические, частные вопросы. Считая аппарат всего лишь рычагом, механизмом, послушным его воле и руке, он передаёт ему значительную часть своих функций. Аппарат же, органически не способный к выработке идей, начинает производить мифы. Первоначальный пакет идей многократно аберрирован, истолкован — каждый раз в соответствии с текущим мифом; информация, обрабатываемая аппаратом, также превращается в миф, и строительство новых общественных структур явственно приобретает черты мифологические. Существует уже как бы два общества, два самостоятельных и независимых друг от друга информационных поля: реальное, но почти лишённое информации о себе самом, и идеальное, существующее лишь в виде информационных блоков в памяти Голема. Как часть информационного поля Голем рассматривает и самого Пользователя.

Круг замыкается. Заказывающий музыку танцует под неё. Голем полностью превращается в самодовлеющую сущность. Паритет между ним и Пользователем сохраняется лишь номинативно, Пользователь функционирует в рамках, заданных Големом (хотя в этих рамках Голем поддерживает показное всемогущество Пользователя). Переломным моментом, на наш взгляд, было так называемое „мингрельское дело“ 1951–1952 годов, — неудавшийся, подавленный бунт Пользователя против всеисилия аппарата.

Голем вступил в пору зрелости, в пору гомеостаза.

3. Гомеостаз

Сколько в стране чиновников? Численность работников административно-хозяйственного аппарата названа: восемнадцать миллионов человек. Если мы приплюсуем к этому освобождённых и не освобождённых партийных, комсомольских, профсоюзных работников, органы внутренних дел и госбезопасности, управленцев средних и низших рангов непосредственно на предприятиях, армию, работников средств информации и пропаганды, то можем смело называть цифру пятьдесят миллионов, не боясь ошибиться в сторону преувеличения. Чем же они занимаются, помимо исполнения своих обязанностей, с которыми, судя по положению дел в стране, не справляются? Перекладыванием бумажек? Отработкой строевого шага? Сложением и вычитанием натуральных чисел? Созданием шедевров абсурда, которым позавидовали бы Ионеско и Беккет? Да, и этим тоже. Но главным делом, делом, жизненно важным для аппарата, является только сохранение состояния гомеостаза. Структура, создававшаяся в начале пятидесятых годов, должна быть сохранена любой ценой. Это не проявление чьей-то злой воли, это инстинктивное стремление, это врождённое, имманентное свойство гигантского, всезнающего, но примитивного, негибкого интеллекта Голема; свойство обретшего свободу поступков исполинского арифмометра.

В чём специфика положения Голема на этапе гомеостаза? В том, во-первых, что он полностью подчинил себе Пользователя, превратив его в собственную подструктуру, которая по определению не способна выдавать идеи, хоть как-то подрывающие гомеостаз. Во-вторых, аппарат приобрёл такую степень автономности, что может игнорировать реальное информационное поле, имея в своем полном распоряжении миф. Голем из образования подчинённого и зависимого стал доминирующей системой, полностью пренебрегающей не только общественными интересами, но и обществом как таковым.

Движение вперёд, к которому постоянно призывает общество Пользователь (сам факт того, что к движению

вперёд приходится призывать, симптоматичен), с точки зрения Голема отнюдь не означает улучшения исполнения им своих номинативных функций, а только и исключительно: питание, безопасность, рост. Лучшее питание, более полная безопасность, ускоренный рост. Поэтому Голем стремится до предела упростить и формализовать свои номинативные функции, чтобы максимум внимания и сил сосредоточить на отправлении функций биологических. Таким образом, в период гомеостаза номинативные функции полностью подчинены биологическим и становятся производными от них — функциями второго порядка. Поэтому информация, обеспечивающая их исполнение, как правило, есть производная от мифа, поскольку информация истинная, полученная с реального информационного поля, для обработки своей потребовала бы отвлечения от основной, гомеостатической деятельности Голема дополнительных информационных ячеек — что нежелательно. Здесь имеются в виду не только „бюрократические игры“ в обычном понимании, но и вещи более серьёзные и масштабные, начиная от бесчисленных „козлотуриад“ и кончая многолетней деятельностью органов госбезопасности по пресечению анекдотчиков и составлению пухлых досье на хиппи, панков, рокеров, любителей фантастики и прочих столь же опасных для государства элементов — в то самое время, когда в мусульманских республиках полным ходом шла суфитская пропагандистская кампания, когда сложилась и стала неуязвимой система организованной преступности, когда в целых регионах была фактически ликвидирована советская власть.

В этих условиях единственной объективной реальностью, с которой Голему приходилось считаться, был рост потока информации (вспомним — удвоение за десять лет) — процесс, от Голема не зависимый, но угрожающий сохранению гомеостаза. Реагировать на это Голем мог трояко: простым увеличением количества информационных ячеек, перераспределением удельного веса информации, относящейся к отправлению номинативных и биологических функций, и активным вмешательством в информационное поле с целью снижения его напряжённости. На первых двух способах сохранения гомеостаза мы уже останавливались, о третьем поговорим подробнее.

Как мы уже говорили, Голем, несмотря на свою громадность и громоздкость, представляет собой интеллект весьма примитивный. В процессе самообучения, применяя единственно доступный ему метод проб и ошибок, он приобрёл способность к синтезу, но отнюдь не к анализу; анализ он может производить в рамках своих номинативных функций наподобие того, как человеческий мозг, способный мгновенно производить сложнейшие расчёты по баллистике и отдавать соответствующие команды руке, бросающей камень в цель, должен отрешиться от всего и страшно громоздким способом делить сто пятьдесят пять на девятнадцать. В рамках же естественного процесса своего мышления Голем предпочитает прецеденты — сущности (до сущности ещё надо докапываться, а это лишние усилия), — а поскольку память его хранит „отрицательных“ прецедентов наверняка больше, чем „положительных“ (естественное следствие применения метода проб и ошибок), то практически всё новое, что возникает в информационном поле, классифицируется по формальным признакам и отождествляется с тем, что уже было, — и, как правило, отождествляется с „отрицательными“ прецедентами. У Голема вырабатывается своеобразный условный рефлекс на новое, формируется отрицательная обратная связь. Вспомним судьбу фирмы „Факел“ — а ведь это было робкое и единичное покушение на частные, мелкие, периферийные интересы Голема. Вспомним невыносимую, удушливую атмосферу в культуре, литературе, искусстве. Вспомним жесточайший информационный голод, воспитавший „самый читающий между строк народ“. Всё это и были действия Голема по сдерживанию информационного потока. Перекрывались каналы получения информации как между отдельными участками информационного поля, так и извне, из-за рубежа. Блокировались исследования, проекты и прочие потенциально возможные источники новой информации во всех областях, кроме тех, отставание в которых грозило отправлению биологических функций Голема (например, в военной науке и технике). Наконец, целенаправленно снижалась тропность информационного поля к поступающей информации путём как деинтеллектуализации общества, так и привития ему интересов, лежащих вне сферы информации: примитивные развлечения, алкоголь, доставание вещей и т.п. Так, например, перманентный дефицит в сфере потребления является неотъемлемой чертой нашей экономики не только потому, что выгоден производителю, но и потому, что позволяет утилизировать свободное время членов общества в максимальных объёмах без приложения каких-либо дополнительных усилий.

4. Особенности его интеллекта

Формирование Голема как интеллекта происходило по принципу формирования кибернетического „чёрного ящика“; никто не знал, как именно он работает — ни Пользователь, ни входящие в структуру Голема чиновники. Такое положение сохраняется до сих пор и даже усугубляется, поскольку Голем разросся, усложнился и научился хранить свои тайны. С уверенностью можно говорить только о некоторых параметрах его интеллекта. Так, например, Голем располагает всей когда-либо поступавшей в него информацией. Он не имеет какого-либо алгоритма действия; скорее, можно говорить о наличии у него алгоритма не-действия,

алгоритма торможения, выработавшегося в процессе самообучения. Действия же Голема носят вероятностный характер и потому труднопредсказуемы. Поэтому же он сам не может предвидеть последствий своих действий и вынужден постоянно корректировать их, ориентируясь, разумеется, на свои фискальные интересы; на пользу или во вред обществу идут сами действия, Голем не интересуется. Пользу или вред обществу Голем понимает абсолютно по-своему, поскольку рассматривает общество исключительно как среду обитания.

Именно поэтому смешно говорить об аморальности его „поведения“. Само понятие морали абсолютно чуждо Голему, поскольку мораль формируется в обществе, в процессе взаимодействия равнозначимых интеллектов, а Голем — существо принципиально одинокое. Предъявлять Голему счёт за десятки миллионов жизней, погубленных в процессе его самообучения, за беззакония и произвол, за нарушения прав и свобод человека, за техническую и социальную отсталость страны бессмысленно, поскольку эти категории лежат вне сферы его мыслительной деятельности — мыслительной деятельности существа, для которого человек является лишь информационной ячейкой, полужидким переключателем в информационных цепях, где в результате циркулирования разнообразнейшей информации зародился, развился и процветает его нечеловеческий разум.

Не исключено, что Голем вообще не имеет представления о том, что человек существует.

Вместе с тем нельзя рассматривать интеллект Голема как интеллект злонамеренный, сатанинский. Голем всего лишь стремится сохранить себя в непрерывно изменяющемся, а потому опасном и враждебном мире; только по этой причине он и вмешивается в дела общества в меру своих сил и способностей. Заботясь о собственном пропитании, он не имеет в виду каждого конкретного чиновника — он просто организует общественные процессы таким образом, чтобы существующие и вновь создаваемые информационные ячейки не пустовали. Наконец, заботясь о равновесии в обществе, Голем ныне стремится не к уничтожению возмущающих элементов, что неэкономно, а к их транквилизации, и в итоге — к постепенному истощению у общества стимулов и возможностей для саморазвития. Голем просто хочет жить.

5. Голем хочет жить

Если целью партии, как представителя интересов трудящихся, является преобразование общества и построение новой общественно-экономической формации, то целью партийного аппарата, как одной из важнейших подструктур Голема, является сохранение статус-кво. На этом противоречии и основаны многие события 1956–1964 годов — времён административно-экономических реформ и контрреволюционного бюрократического переворота. Начатые достаточно решительно (хотя по сути своей и сводились к полумерам), реформы натолкнулись вскоре на мощное сопротивление; преодоление этого сопротивления путём роспуска отраслевых министерств и создания совнархозов на некоторое время выбило Голема из седла и заставило перейти к партизанским действиям: мелкому тотальному саботажу и манипулированию информацией. В результате реформы уходили в песок, Пользователь вынужден был отвлекаться на решение тактических вопросов, идеи его доводились до общества в искажённом виде — чего стоил один только посев кукурузы за полярным кругом! Таким образом, выиграв без особого труда информационную дуэль у Пользователя, Голем добился провала реформ, недовольства в обществе и, решительно прореагировав на отчаянную попытку Пользователя подорвать единство аппарата — путём разделения парткомов на промышленные и сельскохозяйственные, — сменил Пользователя.

Результат нам хорошо известен.

Ситуация, в которой оказался Голем после апреля 1985 года, живо напомнила ему ситуацию второй половины пятидесятых. И, имея уже опыт не только игры с Пользователем, но и успешной борьбы с ним, Голем начал оказывать сопротивление преобразованиям, используя старый алгоритм. То, что сейчас прокручивается „хрущёвский сценарий“, сомнения не вызывает. Точно так же задачи, поставленные Пользователем, либо игнорируются, либо доводятся до абсурда — вспомним, например, антиалкогольную кампанию, не обеспеченную экономически, что привело к огромным прорехам в местных бюджетах, с одной стороны, а с другой — к росту недовольства населения и буквально взрыву преступности, дозволяемой общественной моралью (самогоноварение), — то есть возникновению ножниц между общественной моралью и правом, что подрывает авторитет Пользователя; анекдот же с созданием Общества трезвости можно привести как пример того, что Голем даже в пылу борьбы не упускает из виду свои интересы. Примеров вмешательства Голема в общественные процессы с единственной целью самосохранения можно привести множество. Всё это вкуче получило название „механизм торможения“. Думаем, что такое название звучит чересчур успокаивающе. Голем действует — и намерен действовать впредь, изматывая и Пользователя, и общество изощрённейшими „бюрократическими играми“, чтобы потом нанести решающий контрудар.

На каком направлении его следует ожидать? Учитывая характер мышления Голема, можно с большой долей уверенности предсказать, что он попытается довести до конца начатый уже сценарий — то есть сменить Пользователя, посадив на место беспокойного Горбачева послушную себе марионетку.

Голем прилагает и будет прилагать все усилия, чтобы реформы, главным образом экономические (а из экономических — те, которые приводят в перспективе к реальной независимости предприятий), не привели к результату — и тогда Пользователь, согласно правилам игры, потеряет возможность оставаться Пользователем. Можно представить и другие действия Голема в этом же направлении.

Есть признаки и того, что Голем пытается привести себя в состояние ультрастабильности — то есть приобрести возможность оперативно реагировать на изменение условий существования изменением собственной структуры (разумеется, не „худея“ при этом). Если ему предоставить возможность научиться этому, то он станет практически неуязвимым. Предпринимаемые же сейчас фронтальные атаки на него служат, к сожалению, лишь обучению Голема (предпринимаемые под давлением Пользователя сокращения кадров, слияния министерств и т.п.). Поскольку эти мероприятия являются мероприятиями чисто аппаратными, то есть проводимыми аппаратом против самого же себя („борьба нанайских мальчиков“), то, следовательно, они могут привести лишь к временному эффекту; позже внимание Пользователя будет привлечено к более острым проблемам (вероятно, созданным самим Големом), требующим административного реагирования — и таким образом численность информационных ячеек будет восстановлена, а то и приумножена.

Бороться с Големом руками Голема так же бессмысленно, как вытаскивать себя из болота за волосы. И так же бессмысленно, как агитировать информационные ячейки выступить против диктатуры Голема; на наш взгляд, призывы „начать перестройку с себя“ и „перестраиваться каждому на своём рабочем месте“ являются не более чем современным шаманством и заклинанием духов; бунты же отдельных ячеек против системы и их попытки работать на пользу общества (сбои, с точки зрения Голема) происходили и происходят регулярно и блокируются вполне эффективно.

Главным оружием Голема в борьбе за выживание и в то же время единственным его уязвимым местом является монополия на информацию и вытекающий отсюда принцип криптократии, осуществляемый Големом на практике. Принцип этот заключается в том, что общество не должно знать, что именно стоит за тем или иным решением, принимаемым и проводимым в жизнь Големом; более того, этого не должен знать ни один отдельно взятый чиновник, который тоже является членом общества; всё может знать только Голем. Это позволяет ему внедрять в общество, как в среду реализации, практически любые свои решения, предъявляя обществу лишь их „упаковку“ и тем самым избегая сопротивления общества — стихийного или организованного. Примером провала принципа криптократии служит судьба проекта поворота северных рек; однако миллионы „поворотов“ меньшего масштаба осуществлены и продолжают осуществляться — единственно из-за отсутствия у общества полной информации о тех или иных проектах, решениях, постановлениях. „Перекрыть кислород“ Голему можно, только отняв у него монопольное право распоряжаться информацией. Сейчас — опять-таки под непрерывным давлением Пользователя — он ослабил хватку, но готов в любой момент сжать щупальца. Цензура сохранена, и печати независимой от государства экономически нет. Невозможно пока представить себе требование какой-либо общественной организации предоставить ей для ознакомления, скажем, всю документацию горисполкома за последний квартал. Наконец, штампы „Для служебного пользования“, „Секретно“, „Совершенно секретно“ ставятся на что попало просто на всякий случай. Обществу жизненно необходим действенный и чрезвычайно либеральный Закон об информации — главный внешний ограничитель действий Голема (то, чего у него сейчас нет совсем), позволяющий обществу держать Голема под контролем и позволяющий Пользователю общаться с обществом напрямую, минуя Голема. Требуется гарантия защиты каждого отдельного человека от произвола аппарата — то есть независимый суд. Требуется, наконец, уничтожить диктатуру Голема в экономике — и здесь прямой контакт Пользователя с обществом необходим жизненно. Наконец, создание подлинно демократической системы выборов позволит обществу внедрять в систему Голема „бунтарей“, способных на расшатывание её изнутри. Вот тогда можно будет, не опасаясь контрудара, приступить к реальному свёртыванию аппарата, к тому самому страшному, что убьёт Голема. К сожалению, все шаги, предпринимаемые сегодня в этом направлении, компромиссны — а следовательно, у Голема остаётся возможность контригры.

Понимание того, что обществу у нас в стране противостоит не группа заговорщиков, не свора дураков и даже не паразитический класс, а нечеловеческий, всезнающий, абсолютно аморальный и в то же время тупой, лишённый аналитических и прогностических способностей интеллект, определяет направление дальнейших размышлений и действий. Не стоит очертя голову бросаться на очередные ветряные мельницы (услужливо подсовываемые тем же Големом) и искать врагов под кроватью. У общества общий враг. Лишённый дара

предвидения, он не в силах понять, что продолжение его господства приведёт к краху страны, в конечном итоге — к его собственному краху. Его нельзя приручить, его нельзя уговорить — его можно только уничтожить. Очень трудно, но можно. Пока ещё не поздно.

Москва, 1987 г.

Постскриптум

Прошло три года с момента написания статьи „Голем хочет жить“. За это время она успела побывать в редакциях по крайней мере пятнадцати различных журналов и газет, среди которых „Знание—сила“, „Новый мир“, „Радуга“ (Киев), „Молодой коммунист“, „Поиск“, „Век XX и мир“... Были интересные казусы: в материалах, опубликованных позже и подписанных теми, кто читал статью, большими (и яркими) вкраплениями появлялись почти неизменные абзацы и периоды „Голема“. И вот, наконец, прошло три года, и можно дать оценку нашей работе в той её части, которая касается прогнозов на будущее.

Ни один факт из нашей бурной жизни последних двух лет не заставил нас усомниться в том, что Голем жив и действует. Более того: мы всё больше убеждаемся, что он действует по предсказанному нами сценарию. Судьбы двух следующих наших статей: „Полёт над Святой Русью“ и „Светлого будущего может и не быть...“ — путешествие по редакциям и запрет на публикацию на уровне Главлита — показывают, что в главном мы были правы. Самое страшное, чего боится Голем, — это широкого распространения информации о нём самом. В чём мы, конечно, ошибались, — это в действенности демократических мероприятий. Голем оказался способен создать свою собственную марионеточную демократию; более того — он сумел привить большинству населения страх перед демократией истинной. Впрочем, насчёт того, что борьба будет тяжёлой, мы не сомневались ни на минуту.

По всем признакам, близится кульминация поединка между Големом и обществом. Голем бьётся за свою жизнь. Он готов на всё, и он идет на всё. Ему терять нечего. Но и у нас нет иного выхода, как победить в этой борьбе, потому что представить себе последствия нашего поражения просто невыносимо.

12.06.1990

Голем должен жить

Теория Голема чрезвычайно удобна для разрешения многих насущных вопросов, встающих перед человеком в его повседневной жизни. Главный из них — почему? Почему есть несправедливость, почему он/она/они не хотят понять очевидное, почему многим человеческое чуждо? Ответы на эти и подобные им вопросы можно найти в теории Големов.

Человек не может полноценно реализовать себя вне общества. По мере наращивания человечеством знаний и опыта перед каждым индивидом открываются новые и всё более широкие горизонты для творчества и самореализации. Для того чтобы претворить наши идеи в жизнь, мы ставим перед собой ряд тактических задач и создаём методы их разрешения, то есть порождаем технологии. Глобальные технологии помещаются в форму социальных структур. Поначалу они являются подчинённым инструментом, но по мере становления и развития превращаются в управляющий элемент. Этот элемент Лазарчук и Лелик называют Големом.

Голем координирует и структурирует устремления человека. Но напрасно Л. и Л. считают Голема порождением исключительно „советской тоталитарной системы“ — он всего лишь „один из“ в плотном цивилизационном ряду. Прекрасными примерами Голема являются политика, религия, даже наука.

Несложно проследить, например, становление науки как Голема по приведённой выше схеме. Понаблюдайте за учёными — адептами „Голема-Науки“. Учёные служат своему Голему не менее самоотверженно и совершенно не мотивированно, как, например, и функционеры тоталитарных Големов.

Соглашаясь с теорией Лазарчука — Лелика, мы видим Голема могущественным, всепомнящим, нечеловеческим существом. Панацеей от власти Голема Лазарчук и Лелик хотят найти во вседоступности информации, что, конечно, является утопией. Во-первых, вседоступность не нужна по причине того, что индивид всей полнотой информации не сможет воспользоваться физически, а во-вторых, всеобщая информационная доступность... тоже постепенно превратится в Голем, просто наделённый другими качествами.

Вот наш с вами любимый Интернет — информации пруд пруди... И что? А главное, что Интернет наш — прекрасное поле для зарождения Големов. Они уже есть. И их много.

Достаточно изучить историю Сети (не будем анализировать её сейчас: долго, да вы и сами всё знаете), чтобы увидеть, как „инструмент“ превращается в „нечто большее“. Несколько сотен терминалов, пара-тройка катушек кабеля превратились в Сеть (заметьте, С большой буквы!), теперь здесь есть этические нормы, свои ритуалы, идеология, кастовость, иерархия, свои мифология и паства. Система усложнилась настолько, что возникающие внутри неё связи и результаты не воспринимаются человеком в полной мере, нам осталось только дожидаться, когда она займется целеполаганием.

Мы вполне можем согласиться с утверждением Л. и Л. в схеме описания Голема, что Голем становится сущностью нечеловеческой, начинает ставить перед собой новые цели, не связанные с целями создателей, его породивших. Но стоит ли убивать заблудшего пасынка? Даже система убийства „Голема Х“ превратится со временем в „Голема У“, человечеству нужно искать и развивать технологии управления Големами. Получается, что нам (человекам) нужно создавать и совершенствовать технологии управления технологиями... Уже есть термин — метатехнологии.

Если человечество овладеет метатехнологиями, то наше будущее будем строить мы, а не Големы. А сейчас, к великому сожалению, именно Големчики направляют нашу цивилизацию, причём направляют её не в будущее, а в „продление настоящего“, что вещи суть принципиально разные! Л. и Л. говорят, что Голем всего нового боится и не хочет его, потому что новое может помешать его стабильности. Поэтому Голем и держит Человека под уздцы, чтобы тот в будущее не попадал. Голему необходимо, чтобы человек топтался в настоящем. Достигается это просто — нужно заставить человека продлевать, растягивать, копить настоящее. В такой ситуации будущее выполняет роль настенного календаря — был 2001-й, стал 2111-й...

Ну и что? Больше золота, нефти, леса, кислорода, депутатов и зоопарков — так это Големчики тучнее становятся на ниве человечества. Развития Человека не происходит.

Стремитесь в Будущее, стройте его самостоятельно. Каким ему быть, решать вам, а не ему.

Жизнь тогда будет прекрасна.

P.S. ...И у нас нет иного выхода, как победить в этой борьбе, потому что представить себе последствия нашего поражения просто невыносимо.

— Пора смещать старичков, — сказал Голем Метатехнологий и поставил точку.

Точка.

Голем Метатехнологий

Автор: Источник: <http://wsyachina.narod.ru> © Babr24.com ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 5855 27.07.2011, 13:41
430

URL: <https://babr24.com/?ADE=95507> Bytes: 43584 / 43434 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Источник:**

<http://wsyachina.narod.ru>.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)